

Кредитная теория денег

А. Митчелл Иннес

The Banking Law Journal, Vol. 31 (1914), Dec./Jan., pp. 151–168.

первоисточник:

<https://www.newmoneyhub.com/www/money/mitchell-innes/the-credit-theory-of-money.html>

Примечание редактора – На тему «денег» было написано так много работ, что такого учёного-писателя, как господин Иннес, часто неправильно понимают. Мнения многих экономистов и профессоров отличаются от заявлений, сделанных в его первой статье, но кажется, ни один из них не смог опровергнуть его позицию. После публикации этого номера появится симпозиум критики и ответов к первой статье, и мы любезно приглашаем критиковать и отвечать на его вторую статью.

Статья, которая появилась в майском номере этого журнала в 1913 году под названием «Что такое деньги?», была кратким изложением кредитной теории денег, противопоставленной металлической теории, которой до сих пор придерживались почти все историки и которая легла в основу экономического учения о деньгах.

До Адама Смита деньги отождествлялись с драгоценными металлами, и считалось, что только они создают настоящее богатство; и хотя не следует думать, что все серьезные мыслители придерживались распространённого заблуждения, именно Адаму Смиту принадлежит заслуга окончательно установленного принципа о том, что богатство не заключается в драгоценных металлах.

Но когда встал вопрос о природе денег, концепция Адама Смита провалилась, что подтверждается противоречивым характером его утверждений. Иначе и быть не могло. Даже сегодня информация об исторических фактах, касающихся денег, не слишком доступна: во времена Адама Смита материал, на котором можно было бы построить верную теорию денег, не был доступен, даже если бы он обладал знаниями, которые можно было бы использовать для этого. Стюарт предположил, что денежная единица не обязательно отождествляется с металлическими деньгами, Мун понял, что золото и серебро не являлись основой внешней торговли, Буагильбер решительно заявлял, что бумага выполняет такие же функции, как и серебро. Но, кроме этих нескольких полусформированных идей, не было ничего, что могло бы направить стремление Адама Смита решить проблемы его исследования, и, убедившись в верности своего главного утверждения, что богатство — это не золото и серебро, он столкнулся с альтернативными вариантами. Либо деньги не были золотом и серебром, либо не были богатством, и он безусловно выбрал последний вариант. Однако, здесь Адам Смит вступил в противоречие не с популярным заблуждением, а с жизненными реалиями всемирного опыта человечества. Если деньги не являются богатством в обычном понимании этого слова, обладающего таинственной «покупательной способностью», которая и составляет настоящее богатство, тогда торговые отношения между людьми основаны на заблуждении. Определение, которое даёт Смит деньгам, - это не богатство, а «колесо, вращающее богатство» - не объясняет тех фактов, которые мы видим вокруг себя, стремление к деньгам, желание накопить деньги. Если бы деньги были колесом, зачем нам пытаться накапливать колеса. Почему миллион колес должен быть полезнее, чем одно, или, если мы рассматриваем деньги как одно колесо, почему огромное

колесо должно служить лучше, чем маленькое или среднего размера? Это сравнение является ложным.

Многое было написано о деньгах со времен Адама Смита, и много полезных исследований было проведено, но мы по-прежнему придерживаемся устаревшей идеи, что золото и серебро — единственные настоящие деньги, а все другие формы денег — всего лишь заменители. Результат этой фундаментальной ошибки заключается в том, что в области политической экономии сохраняется крайняя путаница, в чем может убедиться каждый, кто возьмется сравнить главы о «Богатство», «Деньги», «Капитал», «Проценты», «Доходы» в работах признанных авторитетов со времен Адама Смита. Сложно найти точку зрения, с которой согласятся любые два автора.

Насколько глубок разрыв между опытом повседневной жизни и учениями экономистов, лучше всего видно, если прочитать, например, главу Маршалла о капитале с его сложным делением на национальный капитал, общественный капитал, личный капитал и т. д. Каждый банкир и коммерсант знает, что есть только один вид капитала, это деньги. Любая коммерческая и финансовая сделка основывается на истинности этого положения, каждый балансовый отчет составляется в соответствии с этим фактом. И тем не менее каждый экономист основывает свое учение на гипотезе, что капитал это не деньги. И когда мы поймем и примем кредитную теорию, тогда мы увидим, насколько точно наука следует общеизвестным фактам повседневной жизни.

Кредитная теория заключается в следующем: покупка и продажа это обмен товара на кредит. Из этой главной теории выделяется подтеория, согласно которой стоимость кредита или денег не зависит от стоимости какого-либо металла или металлов, а зависит от права кредитора на «оплату», то есть на удовлетворение кредита, и от обязательства должника «оплатить» свой долг или освободиться от своего долга путем предложения эквивалента долга кредитору, и от обязательства кредитора принять это предложение для удовлетворения кредита.

Такова основная теория, но на практике должнику вовсе не обязательно приобретать кредиты у тех же лиц, которым он должен. Все мы являемся и покупателями, и продавцами, так что все мы одновременно и должники, и кредиторы друг у друга, и благодаря удивительному банковскому механизму, которым мы продаем наши кредиты, и которые, таким образом, становятся расчетными торговыми палатами, долги и кредиты всего общества становятся централизованными и засчитываются. На практике любой кредит покрывает любой долг.

Теоретически мы создаем долг каждый раз, когда покупаем, и получаем кредит каждый раз, когда продаем, но на практике эта теория видоизменяется, по крайней мере, в развитых коммерческих сообществах. Когда мы успешны в бизнесе, мы аккумулируем кредиты у банкира и можем покупать, не создавая новых долгов, передавая продавцам часть наших накопленных кредитов. Или, если у нас нет накопленных кредитов в момент, когда мы хотим совершить покупку, мы можем, вместо того, чтобы стать должниками лица, у которого мы покупаем, договориться с нашим банкиром, чтобы он «одолжил» нам кредит, и тогда мы можем передать этот заемный кредит нашему продавцу, обязуясь передать банкиру ту же сумму кредита, которую мы приобретаем (и сверх того); в свою очередь, мы становимся продавцами. Правительство — самый крупный покупатель товаров и услуг, выпускает для оплаты заказов в огромном количестве денежные знаки, называемые монетами или банкнотами, которые подлежат погашению с помощью механизма налогообложения, и эти кредиты правительства мы можем использовать

для оплаты мелких покупок вместо того, чтобы брать кредиты на себя или переводить их на банкиров.

Правительственные дензнаки стали настолько многочисленными за последние несколько столетий, а их использование в повседневной жизни стало настолько универсальным — намного больше, чем у любых других видов денег, — что мы стали ассоциировать их со словом «деньги». Но у них не больше прав на это название, чем у любых других знаков или подтверждений долга.

Каждый коммерсант, оплачивающий покупку через свой счёт, и каждый банкир, который выпускает свои переводные векселя, выпускает деньги с такой же уверенностью, как и правительство, выпускающее векселя для казны или ставящее печать на кусок металла или лист бумаги, и из всех ложных представлений о деньгах, самым пагубным является то, которое приписывает правительству особую функцию монополизации выпуска денег. Если бы банки не могли выпускать деньги, они не могли бы вести свой бизнес, и когда правительство ставит барьеры на пути по выпуску некоторых форм денег, результатом этого является принуждение общества к использованию других, менее удобных форм.

При тщательном изучении истории можно точно доказать, что доллар или фунт, или любая другая денежная единицы не являются фиксированной вещью известного размера и веса и установленной ценности, равно как и правительственные деньги не всегда занимали исключительное положение, которое они занимают сегодня в большинстве стран.

Не так давно во Франции существовало множество различных денежных единиц, которые назывались «ливр», но эти «ливры» — или те из них, которые использовались правительством — снова часто подразделялись на «forte monnaie» (сильная валюта) и «faible monnaie» (слабая валюта), и государственные деньги были слабой валютой. Это различие подразумевало, что государственные деньги имели меньшую ценность, чем банковские деньги, или, выражаясь техническим языком, они обесценивались по отношению к банковским деньгам, так что банкиры отказывались принимать ливры на правительственные кредиты, несмотря на законы о платежных средствах.

Короли и их советники часто были озадачены этим явлением и его последствиями. Они продолжали выпускать деньги, которые, по их мнению, были «сильной валютой» и объявляли их таковыми по закону, но вскоре после этого они должны были признать, что каким-то таинственным образом деньги «devenu faible» - становились слабыми.

За исключением Англии, где обесценивание государственных денег было гораздо меньше, чем на континенте, подобная ситуация была характерна для всей Европы: в городах, где господствовала банковская система, таких как Амстердам, Гамбург и Венеция, более высокий стандарт известен как «банковские деньги», а более низкий стандарт - как «текущие деньги». Из этой ситуации возникло еще одно интересное и важное явление: в то время как оптовая торговля, которая имела дело с банкирами, следовала банковскому стандарту, розничная торговля, которая осуществлялась в основном с помощью правительственных монет, естественно, более или менее точно следовала правительственному стандарту, и цены росли по мере того, как стандарт падал.

В германских государствах, где существовали сотни денежных стандартов, носивших одно и то же название «Марка», история денег особенно запутана, и тот факт, что розничная торговля всегда следовала более низкому стандарту, чем оптовая торговля, привело историков к мысли, что последние использовали в качестве своего стандарта вес марки в чистом серебре, в то время

как розничная торговля использовала вес обесцененного серебра в монетах. Однако, данное представление ошибочно, и «марка пфеннигсильбер» относилась не к весу монет, а к количеству монет-пфеннигов (монеты, известные в Германии на протяжении большей части Средневековья), необходимых для создания Марки.

Легко представить, что в денежных делах обычно царила большая неразбериха, и сложно было урегулировать, какие долги должны быть оплачены и какие контракты, особенно в отношении ренты, должны выполняться. Чтобы исправить это, короли Франции попытались, вероятно, без особого успеха, ввести в законодательном порядке определенные правила относительно стандартов, которые должны применяться к различным случаям, которые могли возникнуть.

Мы, привыкшие к мирным временам и длительным периодам процветания и стабильности правительства, с трудом представляем, насколько неустойчивой может быть любая денежная единица. Когда мы в Соединенных Штатах слышим о падении стоимости ценных бумаг какого-либо банка или иностранного правительства и видим, что они котируются с дисконтом в пересчете на доллар, мы привыкли думать о долларе как о стабильной валюте. Но когда мы начинаем изучать историю, мы обнаруживаем, что доллар американского правительства и фунт английского правительства далеко не всегда были такими стабильными, какими мы их теперь себе представляем. Английский фунт использовался во всех американских колониях, стоимость фунта каждой колонии отличалась от стоимости других, и все колониальные фунты отличались от стоимости метрополии. В первые дни существования Американского Союза различные официальные деньги отличались от стандарта, используемого в бизнесе.

Наши современные представления о том, что государственная монета — это доллар, а все другие формы денег — это обещания заплатить за этот доллар, более несостоятельно перед лицом исторических свидетельств обратного. Государственный доллар — это обещание «заплатить», обещание «удовлетворить», обещание «выкупить», как и все другие деньги. Все формы денег идентичны по своей природе. Трудно заставить общественность осознать этот функциональный принцип, без истинного понимания феномена денег. Трудно также осознавать, что сегодня в Америке в любом месте находится в обращении много разных долларов, так как в наши дни этот факт не так очевиден, как в прежние времена. Предположим, что я отношу к своему банкиру, например, в Новом Орлеане, несколько векселей до востребования на одинаковую номинальную стоимость, один в Казначейство, один в другой известный банк в городе, один для торговца в пригороде, один в известный банке в Нью-Йорке и один на уважаемого торговца в Чикаго. По векселю в Казначействе и в банке в городе мой банкир, вероятно, даст мне кредит по номинальной стоимости, но все остальные будут обменены по разным ценам. По векселю в Нью-Йоркском банке я мог бы получить больше указанной суммы, по векселю нью-йоркского торговца, вероятно, получил бы меньше, тогда как по векселю неизвестного торговца мой банкир, вероятно, ничего не дал бы без моего одобрения, и даже тогда я должен получить меньше номинальной суммы. Все эти документы представляют разные доллары, которые банкир покупает по той цене, которую, по его мнению, они могут для него стоить. Банкир, доллары которого мы покупаем, оценивает все эти другие доллары как свои собственные. Доллар банкира первого класса — это высший уровень кредита, который вообще можно получить, хотя уровень первоклассного банкира в таком городе, как Лондон или Нью-Йорк, может стоить провинциальному банкиру несколько больше, чем его собственные деньги. Государственный доллар в Америке равен банковскому доллару из-за доверия, которое мы приобрели к государственному кредиту, и обычно он стоит в любом данном городе немного выше, чем деньги банкира за пределами города, вовсе не потому, что он олицетворяет золото, а только потому, что

финансовые операции правительства настолько обширны, что правительственные деньги требуются повсюду для уплаты налогов или других обязательств перед правительством. Каждый, кто берет на себя долг, выпускает свой собственный доллар, который может быть или не быть идентичен доллару чьих-либо денег. Немного трудно осознать этот любопытный факт, потому что на практике в обращении находятся только государственные и банковские доллары, и, поскольку и те, и другие представляют собой высшую и наиболее удобную форму кредита, их относительная стоимость во многом одинакова, хотя и не всегда идентична.. Эта кажущаяся стабильность государственных денег в наши дни скрывает феномен, знакомый нашим предкам.

Единственным существенным условием стабильности всех денег, кем бы они ни были выпущены, является, как я объяснял в предыдущей статье, возможность их погашения в надлежащее время не кусками металла, а кредитом. Кредит погашает долг, и ничто иное не делает этого, если только не в силу специального закона или особого договора.

Главное препятствие на пути к более верному взгляду на природу денег состоит в том, что трудно убедить общество в том, что «все не так, как кажется», что то, что кажется простым и очевидным объяснением повседневных явлений, несовместимо с установленными, доказуемыми фактами - чтобы общественность как бы осознала, что, хотя они думают, что наблюдают за движением Солнца вокруг Земли, на самом деле они наблюдают за движением Земли вокруг Солнца. Трудно не поверить свидетельствам наших чувств.

Мы знаем, что закон устанавливает в Соединенных Штатах «стандарт доллара» определенного веса золота определенной пробы; мы знаем, что по закону эти монеты принимают для уплаты долга — закон, которому следуют беспрекословно; мы видим, что все коммерческие сделки осуществляются в долларах; и, наконец, мы повсюду видим монеты (или эквивалентные им банкноты), называемые долларами или их кратными или дробными частями, посредством которых совершаются бесчисленные покупки и уплачиваются долги. Видя все это, естественно, мы верим в то, что, когда закон объявил определенную монету стандартным долларом, так оно и есть на самом деле: когда мы произносим слово «доллар», мы имеем в виду стандартную монету, когда мы совершаем наши коммерческие сделки мы совершаем их, по крайней мере теоретически, в этих монетах. Что еще более очевидно, когда мы даем или берем «обещание заплатить» столько-то долларов, мы подразумеваем под этим обещание заплатить золотыми монетами или их эквивалентом.

И вдруг нам говорят, что наши убеждения ошибочны, что Закон не в силах создать стандартный доллар, что, когда мы покупаем и продаем, стандартом, которым мы пользуемся, является не кусок золота, а нечто абстрактное и неосознанное, что когда мы «обещаем заплатить», мы не обязуемся платить золотыми монетами, а просто обязуемся погасить наш долг эквивалентным кредитом, выраженным в терминах нашего абстрактного стандарта; что государственная монета — это «обещание заплатить», точно так же, как частный вексель или банкнота. Неудивительно, что на учителя с его новым учением смотрят с недоверием? Неудивительно, если общество сразу отказывается быть убежденной в том, что Земля вращается вокруг Солнца?

Хотя, так оно и есть. Глаз никогда не видел, и рука не прикасалась к доллару. Все, что мы можем потрогать или увидеть, — это обещание выплатить или погасить долг на сумму, называемую долларом. То, с чем мы обращаемся, можно назвать долларовой сертификатом, долларовой банкнотой или долларовой монетой; на нем могут быть слова, обещающие заплатить доллар или обещание обменять его на долларовую монету из золота или серебра, или просто слово «доллар», или, в случае с английским совереном, достоинством в фунт, на нем может не быть

вообще надписи, а просто изображение короля. То, что отпечатано на лицевой стороне монеты или напечатано на лицевой стороне банкноты, совершенно не имеет значения; единственное, что имеет значение: какое обязательство на самом деле берет на себя эмитент этой монеты или банкноты, и способен ли он выполнить это обещание, каким бы оно ни было?

Теория абстрактного стандарта не так необычна, как кажется на первый взгляд, и она не представляет трудности для тех ученых, с которыми я обсуждал эту теорию. Все наши меры одинаковы. Никто никогда не видел ни унции, ни фута, ни часа. Фут — это расстояние между двумя фиксированными точками, но ни расстояние, ни точки не имеют вещественного существования. Мы как бы делим бесконечное расстояние или пространство на произвольные части и изобретаем более или менее точные орудия для измерения этих частей применительно к вещам. Вес — это сила гравитации, демонстрируемая по отношению к окружающим нас объектам, и мы измеряем ее, сравнивая воздействие этой силы на любой данный объект с действием на другой известный объект. Но в лучшем случае эта мера является лишь приблизительной, так как сила не везде одинакова.

Мера времени — это вещь, к которой нельзя применить никакой конкретный стандарт, и час никогда не может быть исчислен с совершенной точностью. В странах, где используется солнечное время, час составляет двадцать четвертую часть времени, отсчитываемого от заката до заката, эталон является самым грубым. Но так как люди, вычисляющие таким образом время, живут в странах, где разница между продолжительностью дня летом и зимой не так велика, как на севере, то они не чувствуют неудобства от этой неточности, и кажется не осознают это — так велика сила привычки.

Кредит и долг — абстрактные понятия, и мы не могли бы, даже если бы захотели, измерить их стандартом какой-либо осязаемой вещи. Мы как бы делим бесконечный кредит и долг на произвольные части, называемые долларом или фунтом, и привычка заставляет нас думать об этих мерах как о чем-то фиксированном и точном; тогда как на самом деле они особенно подвержены колебаниям.

Есть только одно испытание, которому могут быть подвергнуты монетарные теории и которое они должны пройти, — это испытание историей. Ничто, кроме истории, не может подтвердить правильность наших рассуждений, и если наша теория не выдерживает проверки историей, то в ней нет истины. Бесплезно апеллировать к свидетельствам наших чувств, бесплезно цитировать законы в поддержку теории. Закон — это не научная истина. Закон может утверждать, что определенный кусок металла является стандартным долларом, но это не делает его таковым. Закон мог бы утверждать, что солнце вращается вокруг земли, но это не повлияло бы на силы природы.

Подобные причины порождают одинаковые следствия, и если бы правительства смогли создать стандартные монеты, имеющие фиксированную стоимость в денежной единице, мировая денежная история должна была бы отличаться от того, что было раньше. В то время как современные историки говорят о нечестности средневековых монархов, которые навлекли на свой народ всевозможные беды своим беспринципным обесцениванием монет, сами короли, которые должны были быть довольно хорошими судьями, приписывали свои несчастья нечестию своих подданных, движимых жадной наживой обрезать и подпилить монеты и заставить драгоценные металлы превзойти их официальную или, как говорилось в королевских документах, их «надлежащую стоимость» — и обрезка монеты считалась преступлением, за которое полагались суровое наказание.

Рост стоимости золотых французских экю и золотых английских гиней, последние в народе оценивались в 30 шиллингов, хотя официально выпускались в 20 шиллингов, могут быть с некоторым правдоподобием объяснены теорией о том, что серебро, а не золото, было «стандартом стоимости», и что золото может варьироваться по отношению к серебру так же сильно, как и любой другой товар. Но как объяснить тот факт, что «гро турнуа» (турский грош), монета из хорошего серебра, постоянно росла в цене, несмотря на то, что короли пытались это предотвратить, и несмотря на то, что ее вес постепенно уменьшался. Как объяснить тот факт, что в 15 веке гульден стал одной из самых используемых денежных единиц Германии, золотой гульден (серебряной монеты с таким названием не существовало) стал более ценным, чем гульден Германии, используемые в торговле. Примите во внимание тот факт, что в то время как, как я сказал, гиней выросла в пересчете на шиллинг, выросли и сами шиллинги. Полный вес шиллинга Вильгельма III в том виде, в каком он был выпущен монетным двором — Вильгельм III не был виновен в обесценивании монеты — был больше, чем торговый шиллинг, и был раскуплен торговцами и вывезен в Голландию. «Но, — говорят критики, — вы забыли, что все шиллинги, находящиеся в обращении, были обрезаны, пока в стране не осталось ни одной полновесной монеты, никогда еще чеканка не была в таком плачевном состоянии». Но если допустить, что повышение стоимости золотых монет и полновесных серебряных монет произошло из-за обесценивания монет посредством вырезки, тогда следует признать, что обрезанные монеты должны были быть эталоном стоимости, а не полновесные монеты, выпущенные правительством. Как быть с теорией о том, что эталон устанавливается правительством посредством чеканки? И если эталон не был установлен посредством официальной чеканки монет, а этого, конечно, не было, то кто установил количество металла, которое называлось шиллингом? Торговцы? Конечно, нет. Наоборот, они обратились к парламенту за защитой от злодеев, которые ради своей наживы вывозили полновесные серебряные монеты. Были ли это те, кто тайно обрезал хорошие монеты? Если это так, то власть этих злодеев над денежным стандартом превышала объединенную власть короля, парламента и крупной купеческой массы. Идея слишком абсурдна, чтобы ее обсуждать. Кроме того, обрезанные шиллинги не были стандартом; цена, по которой они должны были быть приняты, являлась предметом торга между покупателем и продавцом и часто вызывала большие трудности. В самом деле, как это часто бывало в средние века, никто не знал наверняка, сколько стоит монета в его кармане. «Но, — говорят торжествующие критики, — вы не станете отрицать, что Великий закон о перечеканке 1696 г., в соответствии с которым монеты для возмещения убытков были заплачены правительству за большие деньги, был заменен на совершенно новый выпуск полновесных монет, что привело к восстановлению стоимости шиллинга. Вы, конечно, не станете отрицать, что повышение стоимости наших денег было прямым результатом этой благотворной меры». И критик указывает на единый вердикт историков. Все историки приписывают падение стоимости шиллинга испорченному состоянию чеканки, а повышение — акту перечеканки. Но в этом они лишь следуют Маколею, история которого охарактеризована как величайшее художественное произведение на английском языке. Конечно, он специально не изучал тему денег.

Давайте посмотрим на факты внимательнее.

Не король Жан, или король Филипп, или Эдуард, или Генрих обесценивали деньги, а король Война, великий создатель долгов, которому помогали его помощники, чума, падёж и неурожай — все, что, по сути, позволяло долгам расти. Не акты перечеканки восстановили ценность денег, а Мир, великий создатель кредитов, и от неизменной истинности этого утверждения должна в значительной степени зависеть кредитная теория денег. В течение семи лет — с 1690 по 1697 год — страна была вовлечена в самую дорогостоящую войну, когда-либо известную английской

истории. Армии союзников приходилось содержать в основном за счет английских субсидий, и парламент, чувствуя свою вновь обретенную силу, и столь же неспособный, как и остальная часть страны, оценить характер Великого голландца, который посвятил свою жизнь служению им, скупой рукой раздавал припасы. В то же время череда дождливых и холодных сезонов, которые якобиты приписывали проклятию Бога на узурпатора, нанесла большой ущерб сельскому хозяйству. Таможенные сборы упали вдвое, и люди не могли платить налоги. Страна была по уши в долгах.

В 1694 г. комбатанты уже были истощены, переговоры о мире велись безуспешно. В течение всего 1695 года война истощала силы, и было очевидно, что мир абсолютно необходим. В 1696 году война практически закончилась, а в 1697 году был подписан мир. Плавающая задолженность финансировалась при посредничестве только что основанного Банка Англии, и внешняя торговля, посредством которой приобретались кредиты в зарубежных странах, снова смогла расшириться. Этих трех причин было вполне достаточно, чтобы объяснить восстановление ценности английских денег, и если бы в то время был кто-нибудь, кто понимал бы природу денег, он мог бы с абсолютной уверенностью предсказать катастрофический эффект от плавающей задолженности на стоимость денег, и мог бы предсказать целительный эффект мира и финансирования долга и возвращение сельскохозяйственного процветания. Он мог бы сэкономить правительству совершенно ненужные расходы (однако небольшие по сравнению с общей задолженностью) на акт перечеканки. Далекий от того, чтобы облегчить ситуацию, Закон усилил кризис, и именно вопреки Закону, а не благодаря ему, финансы страны постепенно вернулись в нормальное состояние.

Здесь я должен отвлечься на мгновение, чтобы объяснить природу финансирования долга. Я сказал в предыдущей статье: «Отсюда следует, что человек платежеспособен только в том случае, если он имеет немедленно доступные кредиты, по крайней мере, равные суммам его долгов, подлежащих немедленной уплате и предъявленных к оплате. Следовательно, если сумма его непосредственных долгов превышает сумму его немедленных кредитов реальная стоимость этих долгов перед кредиторами упадет до суммы, которая сделает их равными сумме его кредитов». То же самое, конечно, относится и к долгу страны.

Долги, учитываемые при обесценивании денежной единицы, — это долги, заключенные без каких-либо условий для их оплаты, которые либо подлежат оплате по предъявлению, как в случае с денежными знаками, либо подлежат оплате в короткие сроки и должны постоянно продлеваться за неимением средств. Военный долг Вильгельма был связан с содержанием английских армий и выплатой субсидий, которыми он кормил союзников. В 1694 году была создана ассоциация богатых британских купцов, называвших себя Банком Англии, специально для того, чтобы предоставить деньги для оплаты военных расходов. Они снабжали его не золотом в больших количествах, а сразу доступными кредитами. То есть купцы, которые имели или могли распорядиться крупными кредитами как дома, так и за границей, обязались погасить своими кредитами долги, возникшие у правительства, и в то же время обязались не предъявлять к оплате кредиты, которые они таким образом приобрели на правительство, при условии, что правительство будет уплачивать им ежегодный процент. Это то, что подразумевается под финансированием долга или получением кредита. Непосредственная плавающая задолженность правительства отменяется, поскольку дело касается правительства, и, следовательно, перестает влиять на стоимость денежной единицы. Вместо бремени долга, требующего уплаты, есть только

проценты по долгу, вероятно, не более пяти или шести процентов от капитала, и сумма, которую при нормальных обстоятельствах страна без труда оплатит.

Я остановился на финансовом положении 1696 года по той причине, что оно лучше, чем любой другой случай, с которым я знаком, разоблачает ошибочность аргументов сторонников теории металлического стандарта. Для них эталон — это маленький кусок металла, и пока кто-нибудь не уменьшит его размеры, не смешает его с шлаком или не обрежет кусочки, он должен оставаться неизменным, если только правительство не даст валюту к его бумажным банкнотам, которые экономисты считают обещаниями оплаты стандартным металлом и которые падают, если обещание не может быть исполнено.

Теперь нельзя утверждать, как это сделала Комиссия по слиткам 1810 г., что падение стоимости фунта произошло из-за чрезмерной эмиссии банкнот Английского банка, потому что Банк только что начал свою деятельность, не было большого денежного обращения. Его также нельзя отнести к принудительному обращению государственных банкнот, как в случае с американской войной за независимость или гражданской войны, потому что в этом случае не было государственных бумажных денег. И, игнорируя факты экономической ситуации, все списывают на вырезку чеканки.

Те, кто рассуждает о произвольном обесценивании денежной единицы посредством манипуляций с чеканкой, не понимают, как трудно осуществить любое изменение стандарта, к которому люди привыкли в результате длительного употребления. Даже когда государственные деньги стали постоянно обесцениваться и фиксироваться на более низком уровне, банкиры, как показывает история, не спешат адаптироваться к новому стандарту.

Даже самые сильные правительства не решаются взяться за трудную задачу изменения существующей системы мер и весов. Каждый ученый в Англии и Америке выступает за введение метрической системы мер и весов и десятичной системы денег, и это изменение пропагандировалось и защищалось в течение многих лет, но пока безуспешно. Просить нас поверить в то, что ножницы для монет обладали властью, которая позволила им изменить денежный стандарт, значит перенапрягать нашу доверчивость. Даже небольшие изменения сопровождались большими трудностями. Хотя в Англии единицы меры и веса стандартизированы законом, местные меры, местные стандарты все еще существуют и используются в повседневной жизни. Потребовалась Великая революция во Франции, чтобы изменить стандарты: розничная торговля в стране по-прежнему ведется в су, а не в официальных франках и сантимах. В Египте крестьянин до сих пор делит свой пиастр на сорок фаддах, хотя фаддах уже много лет официально не действует, а десятичный милльем является официальным изменением.

Этого краткого изложения кредитной теории денег, которое я смог дать в отведенном мне месте в номере журнала за май 1913 г., и краткое указание в этом и настоящем номере свидетельств в поддержку этой теории, должно быть достаточно на данный момент. Я не ожидаю, что переход к новой доктрине будет быстрым, но чем серьезнее изучаются проблемы денег и банковского дела, тем более очевидно, что металлическая теория денег должна быть отвергнута в течение многих лет. Буквально нет ни одной проблемы, которую можно было бы объяснить в рамках старой теории. Буквально нет доказательств, которые подтверждают теорию металлического эталона. Тот факт, что денежная единица представляет собой нечто отличное от чеканки, не является новым открытием. На это указывал выдающийся экономист сэра Джеймса Стюарта, писавший еще до Адама Смита, а среди современных писателей на это явление обращает внимание Девонс. Частое использование выражений «счетные деньги» и «идеальные деньги» в более старых работах

показывает, что эта идея была знакома многим. По мере того, как шли средние века, и увеличение государственных расходов привело к значительному увеличению количества монет, деньги, что вполне естественно, стали отождествляться с монетами, которые в изобилии обращались при хорошей торговле и которые исчезали во времена бедствия, когда почти нечего было покупать или продавать. Отсюда возникло распространенное заблуждение, что изобилие монет означает процветание, а их недостаток — причина бедности. Когда короли пытались пополнить казну свежими монетами, новые монеты исчезали в плохие времена, как и старые, и это явление можно было объяснить только тем, что злонамеренные лица вывозили их, переплавляли или копили для личной выгоды, а против преступников были назначены суровые наказания, так их поступок вверг страну в нищету. Несомненно, определенный объем вывоза и переплавки имел место, когда монеты высокой внутренней стоимости (очень небольшая часть от общего количества) «monnaie blanche», как его называли во Франции, превышала его официальную стоимость, но абсурдность народного протеста о необходимости большего количества монет была разоблачена прекрасным экономистом, Сьером де Буагильбером, который указал, что очевидное изобилие и дефицит монет было обманчиво, и что количество монет было в обоих случаях одинаковым, с той лишь разницей, что, хотя торговля была оживленной, сравнительно немного монет из-за их быстрого обращения казалось большим; в то время как в дни финансовых затруднений, когда торговля, как это нередко случалось в средние века, почти замерла, монеты, казалось, были в дефиците.

Данный автор не первый, кто провозгласил кредитную теорию денег. Это предложение принадлежит замечательному экономисту Г. Д. Маклеоду. Многие авторы, конечно, утверждали, что некоторые кредитные инструменты должны быть включены в термин «деньги», но Маклеод, едва ли не единственный известный мне экономист, который научно трактовал банковское дело и кредит, он один видел, что деньги следует отождествлять с кредитом, и эти статьи представляют собой лишь более последовательное и логичное развитие его учения. Маклеод опередил время, и отсутствие точных исторических знаний помешало ему осознать, что кредит был более древним, чем самое раннее использование металлических монет. Поэтому его идеи так и не проявились до конца, и он не смог сформулировать основную теорию о том, что купля-продажа есть обмен товара на кредит, а не на кусок металла или какую-либо другую собственность. В этой теории лежит сущность всей науки о деньгах.

Но даже когда мы постигли эту истину, остаются вопросы, которые при нынешнем состоянии наших знаний не могут быть полностью устранены.

Что такое денежная единица? Что такое доллар?

Мы не знаем. Все, что мы знаем наверняка, — и я хочу повторить и подчеркнуть тот факт, что по этому вопросу свидетельства, которые я смог указать в этих статьях лишь вкратце, являются ясными и убедительными, — все, что мы знаем, — это что доллар является мерой стоимости всех товаров, но сам по себе не является товаром и не может быть воплощен ни в каком товаре. Он неосязаем, нематериален, абстрактен. Это мера с точки зрения кредита и долга. При нормальных обстоятельствах он, по-видимому, способен сохранять свою точность в качестве меры в течение длительных периодов времени. При других обстоятельствах он очень быстро теряет эту силу. Он легко обесценивается чрезмерной задолженностью, и как только это обесценивание подтвердилось, для него кажется чрезвычайно трудным, а может быть, и невозможным, восстановить свое прежнее положение. Амортизация (или ее часть) кажется полученной навсегда;

хотя в этом отношении есть разница между обесцениванием в иностранной валюте и обесцениванием покупательной цены кредитной единицы в его собственной стране.

Но хотя денежная единица может обесцениваться, кажется, что она никогда не растет. Общий рост цен, то быстрый, то медленный, является общей чертой всей финансовой истории; и хотя за быстрым подъемом может следовать падение, падение кажется не чем иным, как возвращением к состоянию равновесия. Я сомневаюсь, что существуют какие-либо примеры падения цен до более низкой цены, чем та, которая преобладала до подъема, и что-либо близкое к устойчивому падению цен, указывающее на непрерывный рост стоимости денег, кажется неизвестным. То, что поддерживает устойчивость денежной единицы (поскольку она устойчива), по-видимому, является тем, что Адам Смит называет «торговлей на рынке», перетягиванием каната, которое постоянно происходит между покупателями и продавцами, первые платят за драгоценную вещь как можно меньше, вторые приобретают как можно больше. При совершенно нормальных условиях, когда торговля ведется без каких-либо резких нарушений, по какой бы то ни было причине, эти две силы, вероятно, хорошо уравновешены, их сила одинакова и ни одна из них не может получить каких-либо материальных преимуществ перед другой. В тихом уединении тех миролюбивых стран, которые идут по ровному пути, не подвергаясь влиянию войн или материального развития более трудоемких стран, цены, по-видимому, сохраняют поразительную регулярность в течение длительных периодов.

Я думаю, что наиболее интересное практическое применение кредитной теории денег можно найти при рассмотрении связи между денежной системой, известной как золотой стандарт, и ростом цен. Некоторые экономисты нашего времени чувствуют, что такое отношение существует, и объясняют его на основе теории обесценивания золота вследствие действия закона спроса и предложения.

Мы знаем, как это работает в обычной торговле. Если производство товара увеличивается быстрее, чем спрос, торговцы, обнаружив, что их запасы становятся чрезмерно большими, снижают цену, чтобы найти рынок для излишков. Снижение цены является сознательным действием.

Однако не так обстоит дело с золотом, цена которого, выраженная в деньгах, неизменна; и мы должны искать другую причину. Я думаю, что в изложенной здесь теории будет обнаружено, что стоимость кредита для любого должника зависит от уравнения между суммой долга, подлежащей немедленной оплате кредитом должника, и суммой кредитов, которые он имеет в наличии для немедленного погашения его долгов.

Всякий раз, когда мы видим в какой-либо стране признаки постоянного падения стоимости кредитной единицы, мы, если внимательно присмотримся, обнаружим, что это происходит из-за чрезмерной задолженности.

Мы знаем, что в Средние века цены росли из-за того, что сменявшие друг друга правительства по всей Европе не соблюдали закон уравнения долга и кредита. Стоимость денежной единицы упала из-за постоянного превышения государственного долга над кредитами, которые можно было выжать за счет налогов из народа, обедневшего в результате разрушительных действий войны, чумы, голода и падежа, которые поразили его.

Если я не ошибаюсь, в настоящее время мы обнаружим точно такой же результат, но по другим причинам. Мы обнаружим, отчасти благодаря нашим валютным системам, что нации,

правительства, банкиры объединятся, чтобы взять на себя непосредственные обязательства, значительно превышающие кредиты, доступные для их погашения.

Мы представляем, что, поддерживая фиксированную цену на золото, мы поддерживаем стоимость нашей денежной единицы, тогда как на самом деле мы поступаем как раз наоборот. Чем дольше мы поддерживаем золото по его нынешней цене, в то время как металл по-прежнему в изобилии, тем больше мы обесцениваем наши деньги.

Позвольте прояснить это.

В предыдущей статье я объяснил природу монеты или сертификата и то, как они приобрели свою стоимость в результате налогообложения. Важно иметь ясное представление об этом объяснении, чтобы последующее стало понятным. Для начала было бы неплохо расширить это объяснение и представить проблему в несколько ином аспекте.

Мы привыкли рассматривать эмиссию денег как драгоценное благо, а налоги — как бремя, которое может стать почти невыносимым. Но это обратная сторона истины. Это вопрос денег, который является бременем, и налога, который является благословением. Каждый раз, когда выпускается монета или сертификат, на народ возлагается торжественное обязательство. Открыт кредит в государственной казне, образовался государственный долг. Верно то, что монета не имеет целью передать обязательство, нет закона, налагающего обязательство, и этот факт не является общепризнанным. Тем не менее, это простая истина. Кредит, нельзя слишком часто или слишком настойчиво заявлять, есть право на «удовлетворение». Это право зависит не от закона, а от общего или обычного права. Это присуще самой природе кредита во всем мире. Стороны, конечно, могут договориться между собой о форме, которую должно принять это удовлетворение, но есть одна форма, которая не требует переговоров или соглашения, а именно право держателя аккредитива (кредитора) вернуть эмитенту долга (должника) признание или обязательство последнего, когда первый, в свою очередь, становится должником, а последний кредитором, и таким образом аннулирует два долга и два кредита. А является должником В дает свое обязательство или признание долга. Вскоре после этого В становится должником А и возвращает подтверждение. Таким образом, долг А перед В и В перед А, кредит В перед А и кредит А перед В аннулируются.

Ничто иное, как кредит, не дает этого общего права, и, следовательно, каждый документ или инструмент, в какой бы форме и из какого бы материала ни был, который дает это право аннулировать долг путем возврата его эмитенту, является кредитным документом, признанием долга, «инструментом кредита».

Правительственная монета (а следовательно, и правительственная банкнота или сертификат, представляющие монету) дает это право ее владельцу, и с ней не связано никакое другое существенно необходимое право. Владелец монеты или сертификата имеет абсолютное право уплатить любой долг правительству, предложив эту монету или сертификат; и именно это право, а не что-либо иное, придает им ценность. Не имеет значения, передается ли право по закону или даже может существовать статутный закон, определяющий характер монеты или сертификата иным образом. Юридические определения не могут изменить основной характер финансовой операции.

Совершенно не важно, какую цель преследует правительство при выпуске своих ден.знаков, является ли его целью оплата оказанной услуги или предоставление «средства обмена». Что

правительство думает о том, что оно делает, когда дает монеты в обмен на слитки, или какое название закон дает этой операции, — все это не имеет значения. Что имеет значение, так это результат того, что они делают, и это, как я уже сказал, заключается в том, что с каждой выпущенной монетой бремя, плата, обязательство или долг возлагаются на общество в пользу определенных лиц, и оно может быть уничтожено только налогами.

Всякий раз, когда вводится налог, каждый налогоплательщик несет ответственность за погашение небольшой части долга, который правительство взяло на себя путем выпуска денег, будь то монеты, сертификаты, банкноты, тратты на казначейство или какое-либо другое название этих денег. Он должен получить свою часть долга у какого-нибудь держателя монеты, сертификата или другой формы государственных денег и представить ее Казначейству для погашения своего законного долга. Он должен выкупить или аннулировать эту часть долга. На самом деле большая часть государственных денег поступает в банки, и мы платим налоги чеком на нашего банкира, который передает в казну монеты, банкноты или сертификаты в обмен на чек и дебетует наш счет.

Таким образом, выкуп государственного долга путем налогообложения является основным законом чеканки монет и любого выпуска государственных «денег» в какой бы то ни было форме. Это было забыто, и вместо этого мы разработали представление о том, что каким-то образом металлический характер монеты действительно важен, тогда как на самом деле он не имеет прямого значения. Мы настолько привыкли платить налоги или любой другой долг монетами, что стали рассматривать это как своего рода естественное право делать это. Мы стали рассматривать монеты как «деньги» (*par excellence*), а материю, из которой они состоят, — как некое таинственное воплощение богатства. Чем больше монет в обращении, тем больше «денег», а значит, тем мы богаче.

Дело, однако, в том, что чем больше в обращении государственных денег, тем мы беднее. Из всех принципов, которые мы можем извлечь из теории кредита, нет более важного, чем этот, и пока мы полностью не усвоим его, мы не в состоянии принять надежные законы о валюте.

Можно представить, как критики говорят: «Может быть, в том, что вы говорите, что-то есть. Довольно любопытно, что правительство должно брать золотые монеты в уплату долга и не брать на себя никаких других товаров. Возможно, как вы говорите, чеканка монеты придает ей особый характер, может быть, выпуск монеты можно рассматривать как создание обязательства, как бы теория ни противоречила тому, чему меня до сих пор учили. В любом случае, каковы бы ни были последствия чеканки монеты, это никоим образом не меняет ее стоимости. Когда я дарю вам соверен или пятидолларовую монету, я действительно плачу свой долг вам, потому что я даю вам то, что по своей сути стоит этой суммы. Вы можете переплавить это и снова продать за ту же сумму, если хотите. Какой же тогда смысл подчеркивать обязательство, которое берет на себя выпуск монеты?»

Аналогичная критика была сделана несколько иным языком в рецензии на мою предыдущую статью. Автор писал следующее: «Мистер Иннес говорит, что современные правительства сговорились поднять цену на золото, но в этом он ошибается. Никакое законодательство настоящего времени не устанавливает цену на золото и не пытается это сделать, что определенный вес и проба золота должны называться фунтом, в США, что определенный вес и проба должны называться долларом, но фунт или доллар являются просто абстрактными названиями и не имеют никакого отношения к стоимости цены. Такое же количество золота под любым другим названием будет иметь такую же стоимость, как, например, слиток».

Теперь посмотрим, кто ошибается. Если бы было правдой, как говорит мой критик и как считают многие экономисты, что все, что делают правительства мира, это издает указ о том, что определенный вес золота должен называться фунтом или долларом, несомненно, что такой закон не влияет на рыночную цену золота. Никто не обратил бы внимания на столь бесполезный закон. Но, как я уже сказал, правительство вкладывает определенный вес золота, когда носит государственную печать с необычайной силой, то есть уплачивает долг в размере фунта или доллара. Это совсем не то, что просто называть это определенным именем. Однако, как убедительно доказывает история, даже этого было бы недостаточно, чтобы установить цену золота в денежной единице, если бы правительство ограничивалось покупкой только такого количества золота, которое требовалось для целей чеканки. Но английское правительство предприняло гораздо более важный шаг, чем этот. Оно сделало то, чего никогда не делали средневековые правительства; оно обязало Банк Англии (который на самом деле является правительственным учреждением довольно своеобразного типа) покупать все предлагаемое ему золото по единой цене 3 фунта 17 шиллингов 9 пенсов за унцию и снова продавать его по 3 фунта 17 шиллингов 10 ½ за унцию. Другими словами, банк обязан предоставить за унцию золота кредит в своих бухгалтерских книгах, имея при этом профит на 1 ½ пенса. Если это не фиксирование цены на золото, слова не имеют смысла.

Правительство Соединенных Штатов добивается того же результата несколько иным методом.

Правительство Соединенных Штатов не заявляет о покупке золота. Все, что оно обещает сделать, это принять его на хранение, превратить в биты, называемые стандартными долларами, проштамповать их с гарантией веса и чистоты и вернуть их владельцу, или, если он того пожелает, ему дадут сертификат или сертификаты вместо золота. Теперь я еще раз хочу подчеркнуть тот факт, что важно не то, что правительство заявляет о своих действиях, а то, что оно делает на самом деле. То, что закон рассматривает эту сделку как залог, не делает ее таковой. Сделка на самом деле не депозит, а купля-продажа. В обмен на каждую унцию золота владелец получает деньги. Если бы золото было просто взято на хранение или с целью его чеканки, не давая владельцу чеканного металла какого-либо особого права платить налоги своим золотом, то есть не придавая золоту характер обязательства, не превращая его в деньги, сделка была бы вкладом; а тот факт, что закон считает сделку залогом, просто показывает, что законодательные органы действовали под влиянием ошибочных взглядов на вопрос о деньгах. Иначе и быть не могло, потому что весь мир долгое время был рабом самых нелепых представлений на этот счет, да и Англия была одной из немногих стран, в которых слово « серебро » не означало деньги. К семнадцатому веку идея о том, что золото и серебро подчиняются обычным законам купли-продажи, если не исчезла, то по крайней мере настолько затуманилась, что стала почти мертвой. Золото и серебро, по-видимому, не были предметом купли-продажи, полагая, что они сами являются тем, за что продаются все товары. Только удерживая перед нашим мысленным взором более верное представление о природе денег, выведенное из известных фактов, мы можем осознать реальный эффект от действий правительства. Позвольте мне проиллюстрировать позицию современного правительства.

Когда фермер продает свое зерно торговцу в обмен на деньги, говорят, что он продал его. Он мог получить банкноты, или чек, или монету, или вексель, или банкноту — не имеет значения, что именно. Сделка является настоящей продажей. Теперь предположим, что фермер принял купеческую расписку на стоимость хлеба и что последний вместо того, чтобы продать хлеб для своей выгоды, заявил, что он не намерен покупать хлеб, а намерен просто хранить его на депозите для владельца, и что он будет хранить его до тех пор, пока владелец или держатель

векселя не предъявит его для повторного обмена на зерно. Такое положение купца было бы в точности похоже на положение правительства в настоящее время в отношении покупки золота. Фермер клал деньги на хранение своему банкиру и в обмен на них получал от банкира кредит. Банкнота в конечном счёте попадет к банкиру купца и будет зачтена в счет его кредита в банковских книгах. Если бы он вел очень крупный бизнес, как правительство, и большое количество его банкнот находилось бы на рынке, то не было бы никакой трудности получить хлеб в обмен на банкноту. Если по такой цене она никому не нужна, она останется в руках купца, и он потеряет всю уплаченную цену. Для фермера совершенно не имеет значения, какое отношение к сделке примет купец. Он избавился от своей кукурузы и больше никогда не хочет ее видеть. Он получил за это то, что хотел, а именно деньги, и это все, что его волнует. То же самое в отношениях между правительством и золотодобытчиками или торговцами золотом. Они сдают свое золото монетному двору, а взамен получают деньги, и это все, что их волнует. То, что правительство делает с золотом, или какое отношение оно имеет к сделке, не имеет значения.

Теперь, представим себе нашего купца, действующего как правительство, он мог бы вместо того, чтобы хранить хлеб и выдавать свои банкноты или счета, зашивать хлеб в мешки различных размеров, печатать на мешках сумму денег, которую он заплатил за кукурузу, содержащуюся в них, а затем вернуть их фермеру. Тогда эти мешки были бы деньгами, и если бы можно было использовать такие неуклюжие деньги, они бы обращались точно так же, как обращаются банкноты и наши монеты. Должники торговца имели бы возможность вернуть их ему в целости в счет уплаты своих долгов или, если бы они захотели сделать это, они могли бы использовать зерно, и тогда обязательство торговца автоматически аннулировалось бы их действием. Единственная разница между мешком кукурузы и золотой монетой заключается в удобстве: первый большой и громоздкий, а другая маленькая и портативная.

Что же повлияет на решение держателя мешка с зерном: использовать ли зерно или оставить мешок нетронутым и заплатить им свой долг? Очевидно, на него повлияла бы рыночная стоимость зерна по сравнению с суммой долга, который можно было бы выплатить с помощью обязательства. Если бы рыночная цена хлеба превышала сумму долга, он тотчас же использовался бы как хлеб. Если бы рыночная цена была равна долгу, часть использовалась бы в качестве хлеба, а часть, возможно, какое-то время использовалась бы для выплаты долга; но вскоре все они попадут на мельницу. Однако если бы сумма долга, напечатанная на мешке, превышала рыночную стоимость зерна, то мешок оставался бы нетронутым и использовался бы для выплаты долга.

Таким образом, по количеству мешков в обращении было бы легко увидеть, покупал ли наш купец хлеб по рыночной цене или выше ее. Если бы он продолжал покупать, а количество мешков в обращении продолжало бы увеличиваться, это было бы верным признаком того, что в денежном выражении они стоили больше, чем в виде зерна; и когда придет время, а оно неизбежно наступит, - как бы он ни был богат, - когда он больше не сможет предоставлять кредиты для выкупа мешков, их стоимость упадет на сумму, которую он заплатил за хлеб сверх цены, по которой рынок мог поглотить его для потребления.

Это одно из важнейших следствий кредитной теории. Монета будет оставаться в обращении в течение какого-либо периода времени только в том случае, если ее номинальная стоимость превышает внутреннюю стоимость металла, из которого она состоит, и это верно не только теоретически, но и исторически. В самом деле, это настолько очевидно, что может быть

воспринято как аксиома, и так оно и было бы, если бы мы не запутались в лабиринте ложных идей.

Чтобы применить это следствие к такой стране, как Америка, где мало золота находится в обращении, а большая его часть хранится в Казначействе под залог сертификатов, можно сказать следующее: Золото не может храниться в течение какого-либо периода времени под залог непогашенных сертификатов без погашения, если только официальная цена, по которой оно берется, превышает рыночную стоимость золота. Сформулированный таким образом принцип не может быть подвергнут проверке историей, потому что накопление золота в результате действий правительства имеет современное развитие, и с тех пор, как эта практика была принята, цена регулируется законом, и мы не знаем, какова рыночная цена. Но как только мы примем принцип (который может быть исторически доказан вне всяких сомнений), что денежная единица не является весом металла и что слово «цена» в равной степени применимо к золоту, как и к любому другому товару, очевидно, что золото, на которое имеются непогашенные сертификаты, не могло бы быть сохранено, если этого потребует рынок, как и зерно или чугун, на которые имеются непогашенные складские свидетельства. Само выражение «рыночная цена» означает цену, по которой «рынок» поглотит все доступное предложение; и очевидно, что если бы рынок требовал золота по текущей цене, сертификаты вскоре были бы предъявлены к выкупу. В настоящее время в Казначействе США хранится золото почти на миллиард долларов под непогашенные сертификаты, и этот запас увеличивается со скоростью около ста миллионов долларов в год. Очевидно, что если бы официальная цена золота, так называемая «монетная цена», не превышала бы его рыночную стоимость как товара, такая ситуация могла возникнуть с любым другим товаром. Это как если бы правительство купило все яйца в стране по определенной цене и держало бы их в холодильнике, а не продавало бы по более низкой цене. Конечно, определенное количество золота изымается для потребления, потому что оно не может быть куплено по цене ниже государственной цены, но если бы золото регулировалось обычными законами торговли, не могло быть и речи о том, что цена упадет, что приведет к большим потерям акционеров золотых приисков и большой выгоде для остального человечества.

Поэтому я сказал в своей последней статье, что правительства мира удерживают высокую цену золота.

Если бы мы верили в яйца так же, как сейчас верим в золото, яйца сейчас могли бы продаваться по доллару за штуку. Они хлынули в Нью-Йорк кораблями со всех концов земного шара. Их прибытие будет с восторгом встречено финансовыми газетами, а министр финансов в своих ежегодных отчетах будет выражать свое удовлетворение этим видимым признаком крепкого финансового состояния страны. Посетители толпами шли по ледяным коридорам больших правительственных хранилищ, где хранились драгоценности, и с восхищением смотрели на несметное богатство Соединенных Штатов. Заварной крем был бы лакомством для столов богатых.

Теперь давайте вернемся на минутку к нашему эксцентричному торговцу зерном и посмотрим, может ли особенность его положения пролить больше света на финансовое положение Соединенных Штатов. Я думаю, мы обнаружим, что она проливает свет на проблему повышения цен, проблему настолько серьезную, что ни один современный государственный деятель не может позволить себе игнорировать теорию, которая просто и естественно объясняет, как возникает это явление, и указывает на средства остановки его продвижения.

Если бы наш купец упорствовал в своем исключительном методе ведения бизнеса и платил за хлеб более высокую цену, чем другие купцы были готовы платить, хлеб хлынул бы на его склады, а рынок был бы наводнен его бумагами или мешками с зерном под его обязательством на сумму покупной цены. Каким бы богатым он ни был, его обязательства скоро превысят сумму его кредитов; банкиры откажутся брать его бумаги или его мешки по их номинальной стоимости, и они попадут на дисконт. Напрасно он будет возражать, что его векселя и мешки хороши, пока мешки имеют полный вес и что в его складах достаточно зерна, чтобы покрыть векселя по той цене, по которой он его купил. Банкиры бы отвечали, что хлеб не продается по его цене и что он должен выполнять свои обязательства в кредитах, а не в хлебе.

Если это верно в отношении нашего торговца, то это должно быть верно и в отношении государственных вопросов. Если правительство действительно покупает золото по завышенной цене и, следовательно, выпускает свои обязательства, подлежащие немедленной оплате, сверх своих кредитов, которые доступны немедленно, то его обязательства должны падать в цене. Благодаря огромному могуществу правительства, отчасти благодаря его законодательной власти, а отчасти благодаря огромному размаху его коммерческих и финансовых операций, может оказаться возможным более или менее скрыть этот факт. Но этот факт есть в виде роста цен.

Сначала посмотрим, выпускает ли правительство обязательства сверх своих кредитов.

Из того, что я сказал в этих двух статьях, следует важный принцип, согласно которому государственная эмиссия денег должна покрываться соответствующим налогом. Именно налог придает обязательству его «стоимость». Доллар денег является долларом не из-за материала, из которого он сделан, а из-за доллара налога, взимаемого для его погашения.

Но что мы видим? Правительство Соединенных Штатов выпускает свои обязательства на любую сумму в обмен на золото без введения какого-либо соответствующего налогообложения; и в результате существует огромный и постоянно увеличивающийся плавающий долг, при этом не делается никаких условий для его погашения. Верно, что все государственные бумажные деньги могут быть обращены в золотую монету; но выкуп бумажных выпусков золотой монетой есть вовсе не выкуп, а лишь обмен одной формы обязательства на другую, тождественного характера. Этот долг в настоящее время составляет почти три миллиарда долларов и, конечно, увеличивается по мере того, как все больше и больше золота доставляется на монетный двор и возвращается владельцам с печатью государственных обязательств или депонируется в казначействе под сертификаты. Из этого количества около одной трети обычно находится в обращении. Что касается монет и банкнот, находящихся в обращении, то общество находится к правительству в точно таком же отношении, как держатель банкноты к банку. Общественность является вкладчиками в правительстве. Но что касается большей части монет и сертификатов, обычно не находящихся в обращении, общественность, если бы правительство было в том же положении, что и коммерческая компания или банк, потребовала бы выплаты долга, а если бы он не был уплачен должным образом, должник был бы объявлен банкротом. Но поскольку мы не понимаем, что финансовые потребности правительства не отличаются от потребностей частного лица и что мы имеем такое же право на «платеж» золотой монетой, как и на «платеж» банкнотой, нам не приходит в голову предъявлять такое требование к правительству, а монеты и сертификаты накапливаются в банках.

В такой ситуации не может быть и речи, если кредитная теория верна, что деньги американского правительства обесцениваются. Но тем, кто дочитал до сих пор, легко придет в голову, что если это так, то в соответствии с изложенными здесь принципами мы должны обнаружить, что в наши

дни было бы то же явление, что и в средние века, когда возникла подобная ситуация: - а именно два денежных стандарта, из которых высший стандарт был не обесцененным стандартом банков, а другой, с тем же названием, что и первый, был обесцененным стандартом правительства. Короче говоря, мы могли бы ожидать найти два доллара, «банковский доллар» и «текущий доллар», и тогда мы имели бы, как и в средние века, две цены на товары: банковская цена используется оптовыми торговцами, а текущая цена, которая является стандартом чеканки, используется для розничной торговли. Тогда мы, вероятно, должны увидеть разницу между двумя постепенно возрастающими ценами, когда розничные цены растут, тогда как оптовые цены, выраженные в банковских деньгах, остаются более или менее постоянными. Но мы ничего этого не видим. Наоборот, по-видимому, не происходит особого обесценивания государственных денег, а происходит постепенное повышение цен, повышение, которое если и предполагает обесценивание каких-либо денег, то, очевидно, предполагает обесценивание всех денег, кем бы они ни были выпущены; и в кредитной теории нет ничего, если рассматривать ее отдельно, что привело бы исследователя к мысли, что общее падение стоимости банковских денег или денег купцов может последовать за чрезмерной задолженностью со стороны правительства.

Итак, если предположить, что повышение цен действительно указывает на общее обесценивание денег, объяснение, которое принимается большинством авторов, и предположить, что в отношении государственных денег обесценивание удовлетворительно объясняется кредитной теорией; к чему мы должны приписать тот факт, что это обесценивание не ограничивается казенными деньгами, а разделяется на все деньги страны.

Следует сразу признать, что этот вопрос сопряжен с большими трудностями. Действие торговых сил, контролирующих цены, всегда было неясным. Большие комбинации, являющиеся столь мощными факторами в регулировании цен в Америке, и большие спекулятивные финансовые интересы, чьи операции затрагивают рынки продуктов, не раскрывают обществу свои секреты, если они у них есть. Хотя мы можем говорить о повышении издержек производства, увеличении внутреннего потребления, тарифов, трестов и т. д., факт, по-видимому, состоит в том, что мы очень мало знаем точно о том, с чего начинается повышение цены того или иного предмета, и пока мы не сможем получить точную конкретную информацию, охватывающую в мельчайших подробностях большое количество транзакций, как крупных, так и мелких, мы останемся во многом в неведении относительно сил, стоящих за тисками цен, какой бы теории мы ни придерживались. Сделав эти предварительные замечания, я теперь приступаю к изложению, как мне кажется, убедительных оснований, что за обесцениванием государственных денег, в отличие от банковских денег, при нынешних обстоятельствах должно последовать общее обесценивание всех денег по всей стране, то есть общее повышение цен, а не простое повышение цен, выраженное в государственных деньгах, цены, выраженные в банковских деньгах, остаются неизменными.

На протяжении всей истории банковские деньги, по-видимому, проявляли общую тенденцию рано или поздно следовать за нисходящим курсом государственных денег, и трудность провести четкую границу между ними сейчас неизбежно будет выше, чем раньше, в силу того факта, что обесценивание государственных денег в наши дни происходит более постепенно и, следовательно, более коварно, чем прежде, и потому, что огромное количество государственных денег на рынке делает их более доминирующим фактором в торговле, чем это было в средние века. В настоящее время, как я только что сказал, в Соединенных Штатах имеется почти три миллиарда долларов государственных денег, и прибавка в сто миллионов долларов в год, хотя сама по себе большая сумма, составляет менее четырех процентов от общей суммы. Более того,

если раньше «мутации» происходили в один день, когда монеты могут быть уменьшены на пятьдесят процентов одним указом, раздувание государственных денег в настоящее время происходит постепенно, день за днем, по мере того, как золото доставляется на монетный двор. Таким образом, мы не осознаем, что происходит обесценивание.

Опять же, в прежние времена финансовое затруднение правительств было хорошо известно банкирам и купцам, которые также знали, что за каждым выпуском ден.знаков вскоре последует произвольное снижение их стоимости. При таких обстоятельствах ни один здравомыслящий банкир не принял бы их по полной номинальной стоимости, и было легко провести резкое различие между государственными деньгами и банковскими деньгами. Однако сегодня мы не осознаем, что с нашей валютой что-то не так. Наоборот, мы полностью доверяем ей и считаем нашу систему единственно здоровой и совершенной, и поэтому нет оснований для дискриминации государственных вопросов. Мы не знаем, что государственные деньги — это государственный долг, и пока наши законодатели не осознают, что выпуск дополнительных денег — это увеличение уже раздутого плавающего долга, Конгресс по новому Закону о федеральном резерве предлагает выпустить большое количество облигаций, погашаемых за счёт золотых запасов, ничего не опасаясь.

Но, безусловно, самым важным фактором в данной ситуации является закон, который предусматривает, что банки должны держать 15 или 20 или 25 процентов (в зависимости от обстоятельств) своих обязательств в государственной валюте. Следствием этого закона было распространение идеи о том, что банки могут надлежащим образом ссужать любые суммы, при условии, что они сохраняют этот законный резерв, и, таким образом, чем больше инфляция валюты, тем больше становятся обязательства банков. Важность этого соображения не может быть слишком серьезно внушена общественному вниманию. Закон, который, по-видимому, предназначался для ограничения ссудной власти банков, из-за незнания принципов твердых денег фактически стал главной причиной чрезмерного кредитования, главным фактором повышения цен. Каждая новая инфляция государственного долга вызывает превышение банковских ссуд в четыре-пять раз по сравнению с созданным государственным долгом. Миллионы долларов этой избыточной валюты ежедневно используются для оплаты банковских счетов; на самом деле, миллионы из них не используются ни для каких других целей. Они лежат в хранилищах Нью-Йоркской расчётной палаты, и право на них передается по сертификатам. Эти сертификаты «font la navette», как говорят французы. Они ходят взад и вперед, взад и вперед с берега на берег, переплетая воздух. Эти сертификаты "font la navette", как говорят французы. Они ходят взад и вперед, взад и вперед с берега на берег, переплетая воздух. Эти сертификаты "font la navette", как говорят французы. Они переходят взад и вперёд, из банка в банк.

Выплата балансов расчётной палаты таким образом не могла бы происходить, если бы валюта не была избыточной: на самом деле это вообще не платеж, это чисто фиктивная операция, замена долга, причитающегося правительству, долгом, причитающимся банку. Оплата включает полное списание двух долгов и двух кредитов, и это списание является единственным законным способом оплаты долгов расчётной палаты.

Таким образом, существование избыточной валюты способствует раздуванию банковских кредитов двумя способами: во-первых, выступая в качестве «основы» кредитов, и, во-вторых, выступая в качестве средства для оплаты счетов клиринговой палаты. Один банк выплатил более десяти миллионов долларов за один день путем перевода государственных денег в счет оплаты неблагоприятного баланса расчётной палаты в Нью-Йорке.

Точно так же, как раздувание государственных денег ведет к раздуванию банковских денег, так, без сомнения, раздувание банковских денег ведет к чрезмерной задолженности частных дельцов друг перед другом. Поток долга расширяется все больше и больше.

Такая ситуация должна привести к общему снижению ценности денег, мало, кто будет это отрицать. Но если нас попросят объяснить, как именно общий избыток долгов и кредитов приводит к такому результату, мы должны признать, что не можем объяснить. Или, по крайней мере, автор должен признать, что он не может объяснить; хотя другие, лучше разбирающиеся в явлениях коммерции, возможно, смогут компенсировать недостаток его знаний.

Легко увидеть, как повышается цена любого конкретного товара, когда спрос превышает предложение. Легко увидеть, как могут обесцениваться деньги любой отдельной страны или банка, если известно, что они испытывают финансовые затруднения из-за чрезмерной задолженности. Мы видим, как это работает.

Но как мы можем увидеть механизм повышения цен вследствие всеобщего избытка долгов и кредитов, когда никто не признает, что такой избыток существует, когда никто не понимает, что есть какая-то причина для обесценивания денег?

Я думаю, что объяснение заключается в нарушении равновесия между покупателями и продавцами, о котором я уже упоминал. Деньги достать легче, чем это было бы при обычных обстоятельствах, и хотя возможность покупателя получить за свои товары максимально возможную цену не уменьшается, желание покупателя платить как можно меньше уменьшается, его сопротивление ослабевает, он проигрывает в перетягивании каната. Зарождается общий дух расточительности, позволяющий продавцу выиграть у покупателя. Деньги действительно теряют свою ценность в глазах покупателя. Он должен получить то, что хочет немедленно, независимо от того, высока цена или низка. С другой стороны, чрезмерная легкость, с которой капиталист может получить кредит, позволяет ему спекулятивно повышать цену.

Однако это всего лишь предположения с моей стороны, и я не претендую на то, что они дают вполне удовлетворительное объяснение механизма повышения цен. Продавцы — такие же покупатели, а покупатели — такие же продавцы, и совсем не ясно, почему человек в качестве продавца должен иметь больше власти, чем в качестве покупателя.

Однако весь предмет механизма повышения цен заслуживает тщательного изучения со стороны тех, кто обладает более глубоким знанием механизмов торговли, чем автор настоящей статьи.

Прежде чем закончить эту статью, необходимо резюмировать основные положения, которые автор намеревался донести до изучающих эту наиболее интересную и малопонятную область политической экономии.

Не существует такой вещи, как средство обмена.

Сделка купли-продажи — это обмен товара на кредит.

Кредит и только кредит — это деньги.

Денежная единица является абстрактным стандартом для измерения кредита и долга. Он подвержен колебаниям и остается устойчивым только при соблюдении закона уравнения кредита и долга.

Кредит аннулирует долг; это первоначальный закон торговли. При продаже приобретается кредит, при покупке создается долг. Покупки, таким образом, оплачиваются за счет продаж.

объектом торговли является приобретение кредитов.

Банкир — это тот, кто централизует долги человечества и погашает их за счёт друг друга. Банки являются расчетными палатами торговли.

Монета — это инструмент кредита или знак долга, идентичный по своей природе счету или любой другой форме денег, кем бы они ни были выпущены.

Выпуск денег не является исключительной привилегией правительства, а лишь одной из его функций как крупного покупателя услуг и товаров. Деньги в той или иной форме фактически выпускаются банками, коммерсантами и т. д.

Обесценивание денег в Средние века происходило не из-за произвольного снижения веса и пробы монет. Средневековое правительство боролось с этим обесцениванием, вызванным войнами, эпидемиями и голодом, короче говоря, чрезмерной задолженностью.

До наших дней никогда не существовало какой-либо фиксированной связи между денежной единицей и чеканкой.

Драгоценные металлы не являются эталоном стоимости.

Стоимость кредита зависит не от наличия за ним золота, а от платежеспособности должника.

Долги, подлежащие погашению в определенный момент, могут быть зачтены только в счет кредитов, которые становятся доступными в этот момент.

Государственные деньги выкупаются за счет налогообложения.

Штамп правительства на куске золота изменяет характер золота из простого товара на знак задолженности.

Выкуп бумажных денег за золотые монеты - это не выкуп, а лишь обмен одной формы обязательства на другую, тождественную по характеру.

«Запасы законных денег» в банках имеют такое же значение, как и любой другой банковский актив.

Законы о законном платежном средстве провоцируют появление паники.

Правительства всего мира сговорились, чтобы скупать золото и удерживать его завышенную цену.

Номинальная стоимость долларовой монеты превышает рыночную стоимость золота, из которого она изготовлена. Монеты могут оставаться в обращении в течение любого периода времени только в том случае, если их номинальная стоимость превышает их внутреннюю стоимость.

Выпуск монет в обмен на золото по фиксированной и завышенной цене без предоставления налогов на их выкуп вызывает инфляцию государственных денег и, таким образом, вызывает чрезмерный плавающий долг и обесценивание государственных денег.

Большие запасы «законных денег» в банках свидетельствуют об инфляции государственной валюты.

Инфляция государственных денег вызывает еще большую инфляцию кредита по всей стране и последующее общее обесценивание денег.

Обесценивание денег является причиной роста цен.